

Сказки Ханса Кристиана Андерсена. Блуждающие огоньки в городе

Жил-был человек; он когда-то знал много-много новых сказок, но теперь запас их – по словам его – истощился. Сказка, которая является сама собою, не приходила больше и не стучалась к нему в двери. Почему? По правде-то сказать, он сам несколько лет не вспоминал о ней и не поджидал её к себе в гости. Да она, конечно, и не приходила: была война, и в стране несколько лет стояли плач и стон, как и всегда во время войны.

Аисты и ласточки вернулись из дальнего странствования, – они не думали ни о какой опасности; но явиться-то они явились, а гнёзд их не оказалось больше: они сгорели вместе с домами. Границы страны были почти стёрты, неприятельские кони топтали древние могилы. Тяжёлые, печальные то были времена! Но и им пришёл конец.

Да, им пришёл конец, а сказка и не думала стучаться в те двери к сказочнику; и слуха о ней не было!

«Пожалуй, и сказкам пришёл конец, как многому другому!» вздыхал сказочник. «Но нет, сказка, ведь, бессмертна!»

Прошёл год с чем-то, и он стал тосковать.

«Неужели же сказка так и не придёт, никогда больше не постучится ко мне?» И она воскресла в его памяти, как живая. В каких только образах она ему не являлась! То в образе прелестной молодой девушки, олицетворённой весны, с сияющими, как глубокие лесные озёра, очами, увенчанной диким яминником, с буковой ветвью в руке. То в образе коробейника, который, открыв свой короб с товарами, развеивал перед ним ленты, испещрённые стихами и преданиями старины. Милее же всего было ему её появление в образе старой, убелённой сединами бабушки, с большими, умными, светлыми глазами. Вот у неё так был запас рассказов о самых древнейших временах, куда древнее тех, когда принцессы ещё пряли на золотых прялках, а их сторожили драконы

и змеи! И она передавала их так живо, что у слушателя темнело в глазах, а на полу рисовались кровавые пятна. Жутко было слушать, и всё-таки куда как занятно! Всё это было, ведь, так давно-давно!

«Неужели же она так-таки и не постучится больше?» спрашивал себя сказочник, не сводя взгляда с двери; под конец у него потемнело в глазах, а на полу замелькали чёрные пятна; он и сам не знал, что это – кровь или траурный креп, в который облеклась страна после тяжёлых, мрачных дней скорби.

Сидел он, сидел, и вдруг ему пришла мысль: а что, если сказка скрывается, как принцесса добрых старинных сказок, и ждёт, чтобы её разыскали? Найдут её, и она засияет новой красой, лучше прежнего!

«Кто знает! Может быть, она скрывается в брошенной соломинке, колеблющейся вон там, на краю колодца? Тише! Тише! Может быть, она спряталась в высохший цветок, что лежит в одной из этих больших книг на полке?»

Сказочник подошёл к полке и открыл одну из новейших, просветительных книг. Не тут ли сказка? Но там не было даже ни единого цветка, а только исследование о Гольгере Данске^[1]. Сказочник стал читать и прочёл, что история эта – плод фантазии одного французского монаха, роман, который потом взяли да перевели и «тиснули на датском языке», что Гольгера Данске вовсе и не существовало никогда, а, следовательно, он никогда и не появится опять, о чём мы поём и чему так охотно верим. Итак, Гольгер Данске, как и Вильгельм Телль, оказывался одним вымыслом! Всё это было изложено в книге с подобающею ученостью.

– Ну, а я во что верю, в то и верю! – сказал сказочник. – Без огня и дыма не бывает!

И он закрыл книгу, поставил её на полку и подошёл к живым цветам, стоявшим на подоконнике. Не тут ли спряталась сказка? Не в красном ли тюльпане с жёлтыми краешками, или, может быть, в свежей розе, или в яркой камелии? Но между цветами прятались только солнечные лучи, а не сказка.

«Цветы, росшие тут в тяжёлое скорбное время, были куда

красивее, но их срезали все до единого, сплели из них венок и положили в гроб, который накрыли распущенным знаменем. Может быть, с теми цветами схоронили и сказку? Но цветы знали бы о том, самый гроб, самая земля почувствовали бы это! Об этом рассказала бы каждая пробившаяся из-под земли былинка! Нет, сказка умереть не может! Она бессмертна!.. А может быть, она и приходила сюда, стучалась в дверь, но кому было услышать её стук, кому было дело до неё? В то мрачное время и на весеннее солнышко-то смотрели чуть ли не с озлоблением, сердились, кажется, даже на щебетание пташек, на жизнерадостную зелень! Язык не поворачивался тогда пропеть хоть одну из старых, неувядающих народных песен; их схоронили вместе со многим, что было так дорого сердцу! Да, сказка отлично могла стучаться в двери, но никто не слышал этого стука, никто не пригласил её войти, она и ушла!

Пойти, поискать её!

За город! В лес, на берег моря!»

За городом стоит старый замок; стены сложены из красного кирпича, на башне развевается флаг. В тонко-вырезной листве буковых деревьев поёт соловей, любясь на цветы яблони и думая, что перед ним розы. Летом здесь суетятся пчёлы, носясь гудящим роем вокруг своей царицы, а осенью бури рассказывают о дикой охоте, об увядающих и опадающих человеческих поколениях и листьях. На Рождество сюда доносится с моря пение диких лебедей, а в самом старом доме, у печки, в это время так уютно, так приятно сидеть и слушать сказки и предания!

В нижней, старой части сада находилась каштановая аллея, так и манившая своим полумраком. Туда-то и направился сказочник. Здесь некогда прогудел ему ветер о Вальдемаре До и его дочерях, а Дриада, обитавшая в дереве – это и была сама бабушка-сказка – рассказала последний сон старого дуба. Во времена прабабушки здесь росли подстриженные кусты, теперь же – только папоротник да крапива. Они разрослись над валявшимися тут обломками старых каменных статуй. Глаза статуй заросли мхом, но видели они не хуже прежнего, а вот сказочник так и здесь не увидел сказки.

Куда же, однако, она девалась?

Высоко над головой его и старыми деревьями носились стаи ворон и каркали: Кра-кра! Прочь! Прочь!

Он и ушёл из сада на вал, окружавший дом, а оттуда – в ольховую рощу. Здесь стоял шестиугольный домик, при котором был птичий двор. В горнице сидела старуха, смотревшая за птицею; у неё было на счету каждое снесённое яйцо, каждый вылупившийся цыплёнок, но всё-таки она не была сказкой, которую разыскивал наш сказочник, – на это у неё имелись доказательства: метрическое свидетельство и свидетельство о привитии оспы; оба хранились в её сундуке.

Неподалеку от домика возвышался холм, поросший тёрном и жёлтой акацией. Тут же лежал старый могильный памятник, привезённый сюда, много лет тому назад, со старого кладбища, как память об одном из честных «отцов города». Памятник изображал его самого, а вокруг него были высечены из камня его супруга и пять дочерей, все со сложенными руками и в высоких стоячих воротничках. Долгое, пристальное созерцание памятника действовало на мысли, а мысли, в свою очередь, действовали на камень, и этот начинал рассказывать о старине; так по крайней мере бывало с человеком, разыскивавшим сказку. Придя сюда, он увидел на лбу каменного «отца города» живую бабочку; вот она взмахнула крылышками, полетала-полетала и уселась на травку неподалеку от памятника, как бы желая обратить внимание сказочника на то, что там росло. А рос там четырёхлистный клевер; да не одна такая былинка, а целых семь, одна подле другой. Да, счастье коли привалит, так уж привалит разом! Сказочник сорвал их все и сунул себе в карман. Счастье, ведь, не хуже чистых денег, но новая хорошая сказка была бы, однако, ещё лучше – думалось сказочнику. Сказки-то он, однако, так и не нашёл.

Солнце садилось, большое, красное; луга дымились, Болотница варила пиво.

Свечерело; сказочник стоял один в своей комнате и смотрел через сад и луг на болото и морской берег. Ярко светил месяц; над лугами стоял такой туман, что луг казался огромным озером. Он и был им когда-то, гласили предания; теперь же, благодаря лунному свету, предание превратилось в действительность.

Сказочнику вспомнилось то, что он прочёл сегодня в книге о Вильгельме Телле и Гольгере Данске – будто они никогда не существовали; они, однако, жили в народном поверье, как вот и это озеро, вновь ставшее вдруг действительностью! Значит, и Гольгер Данске может воскреснуть!

В эту минуту что-то сильно стукнуло в окно. Что это? Птица, летучая мышь, сова? Ну, таким гостьям не отворяют! Но вот, окно распахнулось само-собою, и в него просунулась старушечья голова.

– Это ещё что? – спросил сказочник. – Кто это? И как она может заглянуть в окно второго этажа? Что она, на лестнице стоит?

– У вас в кармане четырёхлистный клевер! – отозвалась старуха.

– У вас даже целых семь таких былинки, и одна из них шестилистная!

– Кто ты? – спросил её сказочник.

– Болотница! – ответила она. – Болотница, что варит пиво. Я и возилась с пивом, да один из болотных чертенят расшалился, выдернул из бочки втулку и бросил её сюда во двор, прямо в окно. Теперь пиво так и бежит из бочки, а это невыгодно.

– А скажите... – начал было сказочник.

– Постойте маленько! – прервала его Болотница. – Теперь у меня есть дело поважнее! – И она исчезла.

Сказочник только что собрался затворить окно, как старуха показалась опять.

– Ну вот, дело и сделано! – сказала она. Остальную половину пива я доварю завтра, коли погода будет хороша. О чём же вы хотели спросить меня? Я вернулась потому, что всегда держу слово, да к тому же у вас в кармане семь былинки четырёхлистного клевера, из которых одна даже шестилистная, – это внушает уважение! Такой четырёхлистник – что твой орден; правда, он растёт прямо у дороги, но находит-то его не всякий! Так что же вы хотели спросить? Ну, не мямлите же, я тороплюсь! Сказочник и спросил о сказке, спросил, не встречала ли её Болотница.

– Ох, ты, пиво моё, пиво! – сказала старуха. – Вы всё ещё не сыты сказками? А я так думаю, что они всем уж набили оскомину. Теперь у людей есть чем заняться другим! Даже дети-то, и те

переросли сказки. Теперь подавайте мальчикам сигары, а девочкам кринолины; вот что им по вкусу! А то сказки?! Нет, теперь есть чем заняться поважнее!

– Что вы хотите сказать? – спросил сказочник. – И что вы знаете о людях? Вы, ведь, имеете дело только с лягушками да блуждающими огоньками!

– Да, берегитесь-ка этих огоньков! – сказала старуха. – Они теперь на воле! Вырвались! Об них-то мы и поговорим с вами! Только приходите ко мне в болото, а то меня там дело ждёт. Там я и расскажу вам обо всём. Но торопитесь, пока ваши четырёхлистные да одна шестилистная былинки клевера не завяли, и месяц не зашёл.

И Болотница исчезла.

Башенные часы пробили двенадцать, и не успели ещё они пробить четверть первого, как сказочник, выйдя из дома и миновав сад, стоял на лугу. Туман улёгся; Болотница кончила варку пива.

– Долгонько же вы собирались! – сказала ему она. – Нечистая сила куда проворнее людей; я рада, что родилась Болотницею!

– Ну, что же вы мне скажете? – спросил сказочник. – Что-нибудь о сказке?

– Вы ни о чём другом и говорить не можете? – ответила старуха.

– Так речь пойдёт о поэзии будущего?

– Только не залетайте слишком высоко! – сказала Болотница. – Тогда я и буду с вами разговаривать. Вы только и бредите поэзией, говорите только о сказке, точно она всему миру голова! А она хоть и постарше всех, да считается-то самую младшею, вечно юною! Я хорошо знаю её! И я когда-то была молода, а молодость, ведь, не то, что детская болезнь. И я когда-то была хорошенькою лесною девой, плясала вместе с подругами при лунном свете, заслушивалась соловья, бродила по лесу и не раз встречала девицу-сказку, – она вечно шатается по свету. То она ночует в полураспустившемся тюльпане, то в жёлуде, то шмыгнёт в церковь и закутается там в креп, ниспадающий с подсвечников в алтаре!

– Да вы очень сведущи! – заметил сказочник.

– Должна же я знать по крайней мере с ваше! – отозвалась Болотница. – Поэзия и сказка обе одного поля ягоды, и пора им

обеим убираться по добру по здорову! Их теперь можно отлично подделать; и дёшево и сердито выходит! Хотите, я дам вам их сколько вам угодно задаром! У меня полный шкаф поэзии в бутылках. В них налита эссенция, самый экстракт поэзии, извлечённый из разных корней – и горьких, и сладких. У меня имеются все сорта поэзии, в которой нуждаются люди. По праздникам я употребляю эти эссенции вместо духов, – лью несколько капель на носовой платок.

– Удивительные вещи вы рассказываете! – проговорил сказочник.

– Так у вас поэзия разлита по бутылкам?

– И у меня её столько, что вам и не переварить! – ответила старуха. – Вы, ведь, знаете историю о девочке, наступившей на хлеб, чтобы не запачкать новых башмачков? Она и написана и напечатана.

– Я сам рассказал её! – сказал сказочник.

– Ну так вы знаете её и знаете, что девочка провалилась сквозь землю, ко мне в пивоварню, как раз в то время, когда у меня была в гостях чёртова прабабушка; она пришла посмотреть, как варят пиво, увидела девочку и выпросила её себе в истуканы, на память о посещении пивоварни. Чёртова прабабушка получила, что желала, меня же отдала такую вещь, которая мне совсем не ко двору! Она изволила подарить мне дорожную аптечку, шкаф, полнёхонький бутылок с поэзией! Прабабушка сказала, где надо поставить шкаф, там он и стоит до сих пор. Взгляните! У вас в кармане семь четырёхлистных былинков клевера, из которых одна даже шестилистная, так вам можно взглянуть!

И в самом деле, среди болота лежало что-то вроде большого ольхового пня, но оказалось, что это-то и есть прабабушкин шкаф. Он был открыт для самой Болотницы и для всякого, кто только знал, где должен стоять шкаф^[2], – сказала Болотница.

Шкаф открывался и спереди, и сзади, со всех сторон и углов. Прехитрая штука! И всё же на вид он был ни дать ни взять старый ольховый пень! Тут имелись в искусных подделках всевозможные поэты, но преобладали всё-таки туземные. Из творений каждого был извлечен самый их дух, квинтэссенция их содержания; затем, добытое было раскритиковано, обновлено,

сконцентрировано и закупорено в бутылку. Руководимая высоким инстинктом, – как принято говорить в тех случаях, когда нежелательно назвать это гениальностью – чёртова прабабушка отыскивала в природе то, что отзывалось тем или другим поэтом, прибавляла к этому немножко чертовщины и таким образом запасалась поэзией данного рода.

– Ну покажите же мне эту поэзию! – попросил сказочник.

– Сперва вам надо послушать кое о чём поважнее! – возразила Болотница.

– Да, ведь, мы как раз у шкафа! – сказал сказочник и заглянул в шкаф. – Э, да тут бутылки всех величин! Что в этой? Или в этой?

– В этой так называемые «майские духи». Я ещё не нюхала их, но знаю, что стоит чуть плеснуть из этой бутылки на пол, и сейчас перед тобой будет чудное лесное озеро, поросшее кувшинками. Если же капнуть всего капельки две на тетрадку ученика, хотя бы из самого низшего класса – в тетрадке окажется такая душистая комедия, что хоть сейчас ставь её на сцену да засыпай под неё – так сильно от неё пахнет! На бутылке написано: «Варки Болотницы» – вероятно, из вежливости ко мне!

А вот бутылка со скандальной поэзией. С виду в ней налита одна грязная вода; так оно и есть, но к этой воде подмешан шипучий порошок из городских сплетен, три лота лжи и два грана истины; всё это перемешано берёзовым прутом, не из розог, помоченных в рассоле и обрызганных кровью преступника, даже не из пучка школьных розог, нет, просто из метлы, которую прочищали уличную канаву.

Вот бутылка с минорно-набожною поэзией. Каждая капля издаёт визг, напоминающий скрипение ржавых петель в воротах ада; извлечена же эта эссенция из пота и крови самобичующихся. Поговаривают, правда, что это только голубиная желчь, но другие спорят, что голубь – птица благочестивая, и в ней даже желчи нет; видно, что эти мудрецы не учились естественной истории!

Потом сказочник увидел ещё бутылку. Вот так была бутылка! Из бутылок бутылка! Она занимала чуть не половину шкафа; это была бутылка с «обыкновенными историями». Горлышко её было обвязано

свиною кожей и обтянуто пузырьём, чтобы эссенция не выдохлась. Каждый народ мог добыть из неё свой национальный суп, – всё зависело от того, как повернуть и потряхнуть бутылку. Тут был и старинный немецкий кровяной суп с разбойничьими клёцками, и жиденький домашний супец, сваренный из настоящих надворных советников вместо корней; на поверхности его плавали философские жирные точки. Был тут также и английский гувернантский суп, и французский «potage à la Kock», сваренный из петушьей ноги и воробьиного яйца, и на датском языке носящий название «канканного супа». Лучшим же из всех супов был копенгагенский. Так по крайней мере говорили свои люди.

В бутылке из-под шампанского содержалась трагедия, она могла и должна была вышибать пробку и хлопать; комедия же была похожа на мелкий-мелкий песок, пыль, которую можно было бы пустить людям в глаза; это была, конечно, высокая комедия. Низкая комедия, впрочем, тоже имелась в особой бутылке, но она состояла из одних афиш будущего, в которых название пьесы играло главную роль. И тут попадались замечательные названия; например: «А ну, плюнь-ка в нутро!»^[31], «В морду!», «Душка-скотина!», «Пьяна, как стелька!».

Сказочник слушал, слушал и совсем задумался, но мысли болотницы забегали вперёд, и ей хотелось поскорее положить этому думанью конец.

– Ну, теперь посмотрелись на это сокровище! Знаете теперь, в чём тут дело! Но есть кое-что поважнее, чего вы ещё не знаете: блуждающие огоньки в городе! Это поважнее всякой поэзии и сказки. Мне бы следовало, конечно, держать язык за зубами, но судьба сильнее меня, на меня точно нашло что-то, язык так вот и чешется! Блуждающие огоньки в городе! Вырвались на волю! Берегитесь их, люди?

– Ни слова не понимаю! – сказал сказочник.

– Присядьте, пожалуйста, на шкаф! – сказала старуха. – Только не провалитесь в него, да не перебейте бутылок! Вы, ведь, знаете, что в них. Я расскажу вам сейчас о великом событии; случилось оно не далее, как вчера, но случилось и прежде. Длиться же ему ещё триста шестьдесят четыре дня. Вы, ведь,

знаете, сколько дней в году?

И она повела рассказ.

– Вчера в болоте была такая суетня! Праздновали рождение малюток! Родилось двенадцать блуждающих огоньков из того сорта, что могут по желанию вселяться в людей и действовать между ними, как настоящие люди. Это великое событие в болоте, вот почему по болоту и лугу и началась пляска. Плясали все блуждающие огоньки – и мужского и женского пола. Среди них есть и женский пол, но о нём не принято упоминать. Я сидела на шкафу, держа на коленях двенадцать новорожденных огоньков. Они светились, как Ивановы червячки, начинали уже попрыгивать и с каждой минутой становились всё больше и больше. Не прошло и четверти часа, как все они стали величиной со своих папаш или дядюшек. По древнему закону блуждающие огоньки, родившиеся в такой-то час и минуту, при таком именно положении месяца, какое было вчера, и при таком ветре, какой дул вчера, пользуются особым преимуществом, принимать человеческий образ и действовать, как человек – но, конечно, сообразно с своею натурой – целый год. Такой блуждающий огонёк может обежать всю страну, даже весь свет, если только не боится упасть в море или погаснуть от сильного ветра. Он может прямёхонько вселиться в человека, говорить за него, двигаться и действовать по своему усмотрению. Он может избрать для себя любой образ, вселиться в мужчину или женщину, действовать в их духе, но сообразно своей натуре. Зато в продолжении года он должен совратить с прямого пути триста шестьдесят пять человек, да совратить основательно. Тогда блуждающий огонёк удостоивается у нас высшей награды: его жалуют в скороходы, что бегут перед парадною колесницей чёрта, одевают в огненно-красную ливрею и даруют ему способность изрыгать пламя прямо изо рта! А простые-то блуждающие огоньки глядят на это великолепие да только облизываются! Но честолюбивому огоньку предстоит тоже немало хлопот и забот и даже опасностей. Если человек разгадает, с кем имеет дело, и сможет задуть огонёк – тогда этот пропал: полезай назад в болото! Если же сам огонёк не выдержит срока испытания, соскучится по семье, он тоже пропал, не может уже гореть так ярко, скоро потухает, и –

навсегда. Если же год пройдёт, а он не успеет за это время совратить с пути истины трёхсот шестидесяти пяти человек, его наказывают заключением в гнилушку: лежи себе там, да свети, не шевелясь! А это для шустрого блуждающего огонька хуже всякого наказания. Всё это я знала и рассказала двенадцати молодым огонькам, которых держала на коленях, а они так и бесились от радости. Я сказала им, что вернее, удобнее всего отказаться от чести и ничего не делать. Но огоньки не захотели этого: все они уже видели себя в огненной ливрее и с пламенем изо рта! «Оставайтесь-ка дома!» советовали им некоторые из старших. «Подурачьте людей!» говорили другие. «Люди осушают наши луга! Что будет с нашими потомками?»

– Мы хотим гореть, пламя нас возьми! – сказали новорожденные огоньки, и слово их было твёрдо.

Сейчас же устроился минутный бал, – короче балы уж не бывают! Лесные девы сделали по три тура со всеми гостями, чтобы не показаться спесивыми; вообще же они охотнее танцуют одни. Потом начали дарить новорожденным «на зубок», как это называется. Подарки летели со всех сторон, словно в болото швыряли камушки. Каждая из лесных дев дала огонькам по клочку от своего воздушного шарфа. «Возьмите их», сказали они: «и вы сейчас же выучитесь труднейшим танцам и изворотам, которые могут понадобиться в минуту трудную, а также приобретёте надлежащую осанку, так что не ударите лицом в грязь в самом чопорном обществе!» Ночной ворон выучил всех новорожденных огоньков говорить: «Браво! Браво!» и говорить всегда кстати, а это, ведь, уж такое искусство, которое никогда не остаётся без награды. Сова и аист тоже кое-что обронули в болото, но «о такой малости не стоит и говорить» – заявили они сами, мы и не будем говорить. В это же время мимо проносилась «дикая охота»^[4] короля Вальдемара»; господа узнали, что за пир у нас идёт, и прислали в подарок двух лучших собак; они носились с быстротой ветра и могли снести на спине хоть трёх блуждающих огоньков. Две старые бабы-кошмарихи, которые промышляют ездой, тоже присутствовали на пиру и научили огоньков искусству пролезать в замочную скважину, – таким образом перед ними были открыты

все двери. Они предложили также отвезти молоденьких огоньков в город, где знали все ходы и выходы. Обыкновенно кошмарихи ездят, сидя верхом на собственных косах, – они связывают их на кончике в узелок, чтобы сидеть твёрже. Теперь же они уселись верхом на диких охотничьих собак, взяли на руки молоденьких огоньков, которые отправлялись в свет соблазнять людей, и – марш! Всё это было вчера ночью. Теперь блуждающие огоньки в городе и взялись за дело, но как, где? Да, вот скажите-ка мне! Впрочем, у меня большой палец на ноге – что твой барометр, и кое о чём да даёт мне знать.

– Да это целая сказка! – воскликнул сказочник.

– Нет, только присказка, а сказка-то ещё впереди! – ответила Болотница. – Вот вы и расскажите мне, как ведут себя огоньки, какие личины на себя надевают, чтобы совращать людей?

– Я думаю, что об огоньках можно написать целый роман в двенадцати частях, по одной о каждом, или ещё лучше – народную комедию! – сказал сказочник.

– Ну и напишите! – сказала старуха. – Или лучше отложите попечение!

– Да, оно, пожалуй, и удобнее и приятнее! – отозвался сказочник. – По крайней мере тебя не будут трепать в газетах, а от этого, ведь, приходится иной раз так же тяжело, как блуждающему огоньку от сиденья в гнилушке!

– Мне-то это всё едино! – сказала старуха. – А лучше всё-таки предоставьте писать об этом другим – и тем, кто может и тем, кто не может! Я же дам им старую втулку от моей бочки; ею они могут открыть себе шкаф с поэзией, разлитую по бутылкам, и почерпнуть оттуда всё, чего у них самих не хватает. Ну, а вы, милый человек, по-моему, довольно попачкали себе пальцы чернилами, да и в таких уже годах, что пора вам перестать круглый год гоняться за сказкой! Теперь есть чем заняться поважнее. Вы, ведь, слышали, что случилось?

– Блуждающие огоньки в городе! – ответил сказочник. – Слышать-то я слышал и понял! Но что же мне, по-вашему, делать? Меня забросают грязью, если я скажу людям: «Берегитесь, вон идёт блуждающий огонёк в почётном мундире!»

– Они ходят и в юбках! – сказала болотница. – Блуждающие

огоньки могут принимать на себя всякие личины и являться во всех местах. Они ходят и в церковь – не ради молитвы, конечно! Пожалуй, кто-нибудь из них вселится в самого пастора! Они произносят речи и на выборах, но не на пользу страны и государства, а на свою собственную. Они вмешиваются и в области искусства, но удастся им утвердить там свою власть – прощай искусство! Однако, я всё болтаю да болтаю, язык у меня так и чешется, и я говорю во вред своей же семье! Но мне, видно, на роду написано быть спасительницей рода человеческого! Конечно, я действую не по доброй воле и не ради медали! Что ни говори, однако, я творю глупости: рассказываю всё поэту, – скоро об этом узнает и весь город! – Очень ему нужно знать это! – сказал сказочник. – Да ни один человек и не поверит этому! Скажи я людям: «Берегитесь! Блуждающие огоньки в городе!» они подумают, что я опять сказки рассказывать принялся!

^[1] Гольгер Данске, Ожье Датчанин – один из героев французских эпических сказаний, национальный герой Дании.

^[2] «Он знает, где должен стоять шкаф», – говорят у датчан о человеке, который твёрдо знает, чего он хочет.

^[3] Все выражения взяты из уличного жаргона; первое нуждается в объяснении: когда мальчишка получает в подарок первые часы, он, конечно, сейчас бежит на улицу похвастаться ими перед товарищами, а те требуют от него доказательства, что часы действительно его: «А ну, плюнь-ка в нутро!»

^[4] Дикая охота – миф из скандинавской мифологии.

✘ ✘ ✘ ✘ ✘

✘ Загрузка...